

УДК 9.94

Стамбул последней трети XVIII в. глазами нижегородца Василия Баранщикова

А. М. Абидулин, Н. В. Вершинина,

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация*

Istanbul of the last third of the 18th century through the eyes of a Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov

A. M. Abidulin, N. V. Vershinina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

Аннотация

К концу XVIII в. важнейшей проблемой внешней политики Российской империи становится «восточный вопрос»: интерес российского общества к мусульманской стране, ее традициям, обычаям, религии, военному искусству и экономике обусловлен необходимостью поиска путей военного, дипломатического и экономического взаимодействия двух государств. В этих условиях, наряду с отчетами дипломатических посольств, в качестве источника ценных сведений об экзотической стране выступают литературные произведения. Одним из таких стал травелог последней трети XVIII столетия «Нещастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год» (1787 г.). Накануне войны 1787-1791 гг., при непростых обстоятельствах в столицу Османской империи попадает купец из Нижнего Новгорода Василий Бараншиков – в Стамбуле он провел около 10 месяцев не в качестве путешественника, а на службе янычаром. Статья посвящена образу Стамбула глазами нижегородца в художественном произведении. Дается краткий обзор историографии исследования травелога историками и филологами XIX-XXI вв. Затрагиваются вопросы государственного управления и религии Османской империи и способы их сравнения автором с российской действительностью. Анализируется повседневность и служба янычар, а также репрезентация автором трансформации корпуса янычар в XVIII в. В статье поднимается проблема авторства и достоверности художественного произведения и степени его ценности как исторического источника. Основное внимание уделено особенностям репрезентации Стамбула русским человеком на Востоке в период обострения взаимоотношений между Россией и Османской империей, а также специфике самоидентификации и восприятия «другого» нашим соотечественником.

Abstract

By the end of the 18th century, the most important problem of the Russian Empire's foreign policy was the "Eastern question". The interest of the

Russian society in the Muslim country, its traditions, customs, religion, military art and economy was due to the necessity of finding ways for military, diplomatic and economic interaction between the two states. Under those conditions, along with the reports of diplomatic embassies, literary works were a source of valuable information about an exotic country as well. One of them was the travelogue “Unlucky adventures of Vasily Baranshchikov, a bourgeois of Nizhny Novgorod, in three parts of the world: America, Asia, and Europe in 1780-1787” that was published in the last third of the 18th century (1787). On the eve of the Ottoman-Russian War of 1787-1791, a Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov under difficult circumstances came to the capital of the Ottoman Empire Istanbul where he spent about 10 months not as a traveler but serving as a janissary. The article is devoted to the representation of Istanbul through the eyes of a Nizhny Novgorod resident in a literary work. The article provides a brief overview of the historiography of the travelogue research by historians and philologists in the 19th – 21st centuries. The author describes the issues of the state administration and religion of the Ottoman Empire and their comparison with the Russian reality, analyzes the daily life and military service of janissaries, and represents the transformation of the janissary corps in the 18th century. The article brings up the issue of the authorship and authenticity of these notes, as well as its value as a historical source. The main focus is on the peculiarities of representation of Istanbul by a Russian man in the East during the period of increased tensions between Russia and the Ottoman Empire, as well as the specific character of self-identity and perception of the “different” by our compatriot.

Ключевые слова

Османская империя, Василий Баранщиков, путешествия на Восток, русско-турецкие отношения, ислам, янычарский корпус, религиозная самоидентичность, русский человек на Востоке.

Keywords

The Ottoman Empire, Vasily Baranshchikov, traveling to the East, the Russian-Turkish relations, Islam, the janissary corps, religious self-identity, Russian man in the East.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского».

Acknowledgments

The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374, implemented by the Federal State Autonomous Educational Institution “N. I. Lobachevsky National Research State University in Nizhny Novgorod”.

Двусторонние межгосударственные связи России и Турции насчитывают более пяти веков. Мусульманский юг на протяжении столетий был одним из важных направлений внешней политики России. Начиная со второй половины XVII в., можно говорить о противостоянии нашей страны с Турцией, результатом которого стали многочисленные русско-турецкие войны, в общем счете охватывающие период продолжительностью в 241 г. В истории взаимоотношений двух стран сложно найти период более напряженный, чем все XVIII столетие и «золотой век Екатерины» в частности. Тесные военные и экономические контакты определенно вызывали интерес правительства и общества к таинственной мусульманской стране: ее обычаям и традициям, политическому строю, особенностям торговли и военного дела. Несомненно, русский образ Османской империи XVIII в. сформировался,

в первую очередь, наблюдениями дипломатов, но и литературные произведения о восточной стране в последней трети столетия сыграли свою роль. Таковыми, к примеру, являются «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год»¹. Травелог был впервые опубликован в 1787 г. – году начала очередной русско-турецкой войны, – неудивительно, что произведение, написанное «на злобу дня», пользовалось успехом и переиздавалось три раза (1787, 1788, 1793 гг.) в течение всего лишь шести лет.

«Несчастные приключения» молодого нижегородского купца второй гильдии Василия Яковлевича Баранщикова начинались совсем непримечательно в 1780 г. с поездки на ростовскую ярмарку, где его ограбили. Баранщиков отправляется на заработки в Санкт-Петербург: в качестве матроса попадает в Копенгаген, где местные мошенники обманом доставляют его на корабль работоторговцев. Так, до своего приезда в Стамбул, Баранщиков около двух месяцев служил рекрутом на острове Сент-Томас, затем «на кухне... в черной работе» на Пуэрто-Рико, острове под испанским владычеством, и так до октября 1782 г., после чего был освобожден и отправился в Европу матросом на венецианском торговом судне. У берегов Африки был схвачен турецкими пиратами, подвергнут обрезанию и обращен в ислам, а затем продан в рабство в Палестину. Спустя год Василию Баранщикову удалось бежать в Венецию, откуда судьба забрасывает его в Стамбул на долгие 10 месяцев.

В XIX в., как справедливо замечает А. А. Вигасин², книга уже (а на наш взгляд, еще) не представляла значительного интереса ни для читающей публики, ни для исследователей: неудивительно, что скромная в историческом и литературном плане работа Баранщикова меркнет на фоне аналогичных произведений гениев слова Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и т.д. Более того, ученые позапрошлого столетия сомневались не только в подлинности книги Василия Баранщикова, но и в существовании самого автора³. Только через сто лет после ее выхода в свет Н. С. Лесков⁴ подробно остановился на путешествии купца, признавая работу стоящей внимания в контексте отражения настроений читающего общества, которое и в XVII в., и на исходе XVIII столетия с восхищением зачитывалось захватывающими историями об авантюрных приключениях, ухищрениях, несчастьях, удали бродяг и возмущалось «положениями закона гражданского».

Наконец, три года спустя, в 1900 г. в «Действиях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии» появилась публикация из «Журнала нижегородского наместнического правления» за март 1786 г. – «Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлева Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы»⁵. Так не осталось сомнений – Василий Баранщиков существовал, и приключение его имело место быть.

В 1962 г. новую жизнь в приключение купца вдохнул Р. А. Штильмарк, написав по его мотивам «Повесть о страннике российском»⁶ и снабдив его пояснениями и комментариями. Еще позднее к личности В. Баранщикова обращался Н. Ф. Филатов, отметивший, что значимость книги заключается именно в «панорамно-одновременном описании многих стран и жизни их народов»⁷, несмотря на литературный характер произведения. В последнее время травелог не раз являлся объектом изучения филологов, и среди них поднимается проблема авторства и достоверности событий: так, Т. В. Мальцева⁸ отмечает, что расхождение книги и допроса, а также наличие романских признаков свидетельствуют о вымышленности большинства

*Янычар.
Janissary.*

описываемых стамбульских событий, а Д. В. Неустроев⁹ придерживается мнения, что Василий Баранщикова не является автором произведения. В контексте изучения русского ориентального романтизма «Несчастные приключения» исследовались П. В. Алексеевым¹⁰.

В 2011 г. стараниями Н. В. Морохина и Д. Г. Павлова книга была издана в шестой раз. В своей вступительной статье Н. В. Морохин снова возвращается к вопросу авторства, отмечая, что современные представления об авторском праве в XVIII в. еще не сформировались, т.е. даже если книга была записана, например, с устного рассказа, или кем-либо редактировалась, авторства В. Баранщикова это не отменяет¹¹.

Отдельного внимания заслуживает «Приложение, заключающее в себе описание Царьграда и турецких начальников духовных, воинских и гражданских»: авторство его еще предстоит выяснить, однако в данной статье мы рассмотрим его и основной текст «Несчастных приключений» как единое произведение, отразившее восприятие Стамбула конца XVIII в. нашим соотечественником, представителем эпохи. У книги и допроса достаточно несоответствий, однако это не делает описание путешествия Баранщикова менее интересным для исследователя в качестве исторического источника по истории повседневности Османской империи последней трети XVIII столетия.

Об Османской империи в изложении Василия Баранщикова мы узнаем следующее: география и архитектура Стамбула, система гражданских, духовных и военных званий, быт, военная служба и повседневность янычар, судебная система, султанский гарем, религиозные обряды. Автор попал сюда не в качестве любопытного путешественника или дипломата на русской службе, напротив, он провел в Стамбуле около 10 месяцев: успел принять ислам, жениться и прожить почти год жизнью рядового янычара, и конечно же, в достаточной степени овладел языком – все это в совокупности делает его произведение действительно уникальным и информативным с точки зрения исследователя, несмотря на значительную долю художественного вымысла.

Произведение интересно прежде всего тем, что автор достаточно хорошо знает и Стамбул, и язык, и потому нет оснований сомневаться, что он действительно проживал в столице империи около года: Баранщикова регулярно отмечает улицы, площади, дворцы, башни, гостиные дворы, в которых ему довелось побывать. Дворец султана он сравнивает с московским Кремлем, замечая, что последний уступает в величине. Дворец, по его оценкам, прекрасен, а сама столица, построенная на семи холмах, имеет редкое положение, и настолько поразительный вид, что «каждого смотрящего на нее в некотором отдалении приводит в восторг»¹². Подробное описание дворца, янычарских казарм и гостиных дворов представляют особый интерес, поскольку автор, будучи янычаром, регулярно бывал во дворце по долгу службы.

В большей степени православного христианина в загадочной мусульманской стране, конечно же, интересовали вопросы религии – есть «мы», а есть «они», «чужие», во всем отличающиеся, – и здесь нас интересуют не только и не столько особенности ислама: перед нами образец проявления религиозной самоидентичности. Автор описал духовные, гражданские, придворные и воинские звания. Особое его внимание привлек «муфтий или Первосвященник Магометанский» – высшее должностное лицо по вопросам религии, почитаемое народом «священной и боговдохновенной особой»¹³. Автор указывает на трансформацию его статуса и роли, отмечая падение авторитета муфтия в глазах Султана, по сравнению с его положением при дворе столетиями ранее, в вопросах же ислама и религиозных предписаний высшее духовное лицо по-прежнему пользуется непререкаемым авторитетом. С имамом Баранщикову довелось общаться лично в самом начале своего проживания в Стамбуле: от него автор получил фиктивную расписку-подтверждение о добровольном принятии веры, тот же имам научил его молитвам. Другой имам заключал договор о браке с турчанкой и советовал жениться второй раз. Так, «стараниями» имамов «умножилось более» в нем, Баранщикове, «презрение к магометанской вере»¹⁴. Между тем, описывая их, Баранщиков приводит аналогию с попом, отмечая, что народом он также очень уважается, а неповиновение ему расценивается как мятеж. Азан муэдзина в мечети автор сравнил с работой звонаря в церкви.

Мечети автор также не обошел вниманием: отсутствие подобия икон, «изображения, возрождающего благодать божью» и приводящего в изумление, повергало в уныние – Баранщикову на янычарской службе не только приходилось наблюдать пятничную молитву султана в мечети Айя-София, но также, к его великому сожалению, исправно посещать ее самому, исключительно «чтобы отвести от себя подозрения мусульман», которые, в свою очередь, очень ревностны к религии, и способны прервать намаз лишь во время священной войны с неверными. На протяжении всего повествования автор не раз возвращается к теме религии, освещая основные религиозные обряды и ритуалы (омовение, обрезание, пост, хадж и милостыню), повсеместно отмечая необычайную религиозность населения; впрочем, и в «магометанской стране» правила нередко нарушаются, пост не соблюдается в полной мере, а милостыня, как правило, исправно исполняется людьми среднего достатка, в то время как богачи почти никогда не выплачивают положенную сотую долю, избегая точных подсчетов имущества и повышенного налогообложения.

*Мечеть Айя-София
в Стамбуле.*

*Hagia Sophia Mosque
in Istanbul.*

Не остались без внимания автора османская полиция и судебная система, основанная на мусульманской традиции. В приложении к книге отмечается, что уголовные преступления рассматриваются здесь не так точно, как в России, а наказания, и в частности, казнь, нередко зависят от прихоти великого визиря или других вельмож. Самая жестокая и страшная казнь (посажение на кол), по словам автора, определяется грекам, обвиненным в измене и убийстве. Подобная практика, а также членовредительные наказания (отрезание пальцев) в отношении нечестных торговцев, приводили Баранщикова в трепет как «враждебное человечеству».

Повествуя о гражданских званиях и системе управления, более всего Баранщиков останавливается на великом визире империи, верховном наместнике султана, в руках которого, фактически, сосредоточена вся власть: вопросы внешней и внутренней политики и даже верховное командование армией. И здесь автор отмечает основную особенность: первый министр Османской империи, который назначался и смецался лишь лично султаном и пользовался его абсолютным доверием, контролировал все, обладал огромным доходом, вел роскошную жизнь и неизменно сопровождался свитой телохранителей. Примечательно, что, по словам нижегородца, он дважды видел великих визирей: по прибытии в Стамбул был представлен визирю¹⁵, пожалован им денежным вознаграждением за принятие ислама и определен в янычары, а перед отъездом из столицы империи – во время военного смотра янычар¹⁶ и выдачи жалования. Не исключено, что описание первого визита к визирю является художественным вымыслом и преследует лишь одну цель – заинтересовать и увлечь читателя. В приложении к книге Баранщиков перечисляет и комментирует основные звания системы гражданского управления, однако в основном тексте книги кроме великого визиря нам не встречается ни одного упоминания глав ведомств или наместников и управленцев административно-территориальных единиц империи. Связано это, по всей видимости, с элементарным неведением Баранщикова, соответственно перед нами в очередной раз встает вопрос авторства и источниковой базы «Несчастливых приключений».

Совсем иначе обстоит дело с описанием военной службы в янычарском корпусе: Баранщиков не раз отмечает различные детали повседневности янычар, поскольку сам около 10 месяцев состоял на службе. Янычары (Жан и-Сери; еничери), как сообщает нам автор, считаются лучшими сухопутными войсками и «имеют также от казны гораздо больше выгод»¹⁷. Каждый янычар дает две присяги: одну – чтобы верно служить султану, а вторую – чтобы повиноваться воле своих товарищей. Это единство превращало их все чаще в участников дворцовых переворотов, а как следствие – в «ту страшную силу, которой и сами Султаны более всего боятся»¹⁸. В то же время, к концу XVIII в. происходит трансформация янычарского корпуса: до середины XVI в. воины постоянно проживали в монастырях-казармах, без права вступать в брак и иметь свое хозяйство. К началу XVII в. янычары начали обзаводиться семьями, а в мирное время занимались ремеслом и торговлей. Именно этот этап застал Василия Баранщикова. После определения в янычарское войско он около недели проживал в казармах вместе с другими холостыми янычарами и достаточно подробно описал свой быт: у каждого – своя постель, раз в день – белый хлеб, рисовая каша с мясом, табак в неограниченном количестве. За дисциплиной и соблюдением распорядка следит иок-баша (десятник). «Впрочем, ни один янычар не варит сам сей каши и не печет хлебов», а любой пришедший в казарму турок может получить еду, которой всегда было в избытке, и потому «янычары из добродушия кормят посторонних». Служба нижегородца заключалась в охране

султана – каждую неделю он заступал стражником на службу во дворце, при этом, как отмечает сам автор, за десять месяцев службы ни стрельбе из ружья и пистолетов, ни владению саблей его так и не учили. Примечательно, что о каком-либо обучении в «Несчастных приключениях» речи не идет, но этот этап пребывания в Стамбуле не представляет интереса ни для читателя, ни для спонсоров в Санкт-Петербурге, а потому вполне объяснимо, что автор не стал заострять внимание на этой странице своей жизни.

Как и товарищи по службе, находчивый купец быстро освоил шитье турецких сапог, и достаточно преуспел в своем ремесле, получая сверх жалования дополнительный доход. Наконец, как «истинный мусульманин», Василий Баранщиков был вынужден жениться на турчанке, а к концу пребывания в Стамбуле, по настоянию имама, чтобы «подозрение в вере истребилось вовсе», едва не женился на второй. Автор отмечает, что его изрядный доход от шитья обуви позволил бы ему жить в Стамбуле без бедности и содержать и трех жен, но «презрение к магометанской вере» и бесконечная тоска по Родине и семье, и, вероятно, не в последнюю очередь, намечающаяся очередная русско-турецкая война, окончательно убедили его в необходимости возвращения в Россию. Так, «Несчастные приключения», будучи художественным произведением, оказались не только увлекательным чтивом для россиян конца XVIII в., но и уникальным источником по истории янычарского корпуса, его трансформации в XVII-XVIII вв. и репрезентации нижегородским купцом на янычарской службе.

Подтверждением «истинности веры» Баранщикова стал брак с турчанкой – событие, с которым никак не мог смириться православный христианин, и которое в большей степени, чем что-либо еще, вызывало в авторе неприятие и непонимание того самого «чужого».

Автор отмечает, что брак у турок – это простой договор, который подписывается сторонами в присутствии кади или судьи и двух свидетелей и может быть расторгнут любой стороной, при этом приданое дает муж, которому «дозволяется содержать кроме законных жен и других вольных, и рабынь». При заключении брака были оговорены и условия: в случае развода с женой, Баранщиков должен был заплатить ей 50 левков (30 рублей), поскольку обычай предполагает, что мужчина имеет право оставить жену, заплатив ей по договору. Как и бракосочетание, семейная жизнь в Османской империи коренным образом отличалась от российских реалий: нижегородцу приходилось учиться, «как жить по турецким обычаям и не раздражать никогда и ничем тестя и жену»¹⁹. Не раз автором было отмечено, что европейские и русские традиции противоположны османским, т. е. перед нами – очередной пример противопоставления себя и понятного «своего» «чужому». Эти проявления самоопределения и очерчивания социальных, культурных, религиозных границ встречаются на протяжении всего повествования, как правило, без выраженной негативной оценки, но почти всегда – в тоске по Родине и угрызениях совести из-за «вынужденного» предательства православной веры.

Несомненно, внимание читателя «Несчастных приключений», не в последнюю очередь, было сфокусировано на придворной жизни султанского дворца, которая кардинально отличалась от повседневности двора российской императрицы, о чем охотно рассказывает автор. Он приводит интересную аналогию, пересказывая исламскую картину рая и отмечая, что она воплотилась в гаремах и роскошной жизни султана Османской империи, который воспринимался «непорочным и священным» и почитался «с крайним благоговением». Жизнь избранных султаном обительниц

Гарем султана Османской империи.

The Harem of the Sultan of the Ottoman Empire.

гарема проходила в заботе о детях и всевозможных попытках завоевать внимание повелителя, обойдя тем самым своих соперниц. Дети султана, как отмечает автор, воспитываются «в великой неге и праздности»²⁰, не занимаясь ничем, кроме детских игр. Совсем иначе во дворце обстояло дело с обучением одаренных детей и подготовкой их к высшим военным и гражданским постам Османской империи – речь идет о дворцовой кузнице кадров Эндерун. Нижегородец обращает внимание на строгую дисциплину и смирение специально отобранных юных воспитанников, получающих универсальное образование: языки, военное дело, искусство и музыкальная подготовка – с одновременной работой в дворцовых службах. Так воспитывался «в чрезвычайном раболепстве»²¹ будущий чиновник – смиренный, верный, исполнительный, всесторонне развитый, достойный управлять империей. Таким образом, перед нами – система образования, веками существующая при дворе османского султана и отличающаяся от европейских аналогов вниманием к способностям воспитанника, а также отвечающая принципу замещения руководящих должностей наиболее способными людьми, вне зависимости от этнической принадлежности и социального происхождения. Перед читателем как XVIII, так и XXI столетия – уникальный опыт, система обучения, которая по своей сути стала одной из основ формирования грамотной административной системы и, как следствие, – многовекового могущества Османской империи.

Сложность анализа «Несчастливых приключений» проявляется уже в названии – перед нами произведение, цель которого, в первую очередь, развлекательная – незадачливый Василий Баранчиков щедро приукрасил свое путешествие, стараясь вызвать у читателя симпатию и сочувствие и избежать дальнейших проблем на Родине. Тем не менее, учитывая степень знакомства автора с бытом Стамбула последней трети XVIII в., удастся обнаружить и исследовать как его собственные наблюдения, так и сведения, заимствованные из других источников. Интерес к «Несчастливым приключениям» обусловлен также и усложнением в XVIII в. «восточного вопроса» и, как следствие, проблемы национального самоопределения русского человека, который на протяжении веков существует между Востоком и Западом.

Безусловно, исследование художественного произведения как исторического источника имеет свою специфику. Ценность его в этой роли определяется, прежде всего: наличием уникальной информации, которая не нашла отражения в других

источниках; уровнем вовлеченности автора в описываемые события; задачами, которые исследователь планирует решить с его помощью. В данном случае мы имеем дело с материалом об Османской империи, накопленным человеком другой религии, другого менталитета, что и дает нам возможность увидеть с новой стороны не только историю Стамбула и его повседневности (местный житель и иностранец, репрезентуют разные вещи и различными способами), но и проанализировать специфику мышления, самоидентификации и восприятия «другого» нашим соотечественником и, наконец, оценить сложность взаимодействия и взаимовлияния религий и культур.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Нещастные приключения Василья Баранщикова мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. Второе издание с дополнением и фигурами. – Санкт-Петербург: Тип. Вильковского и Галченкова, 1787. – 129 с.
2. *Вигасин А. А.* Нещастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Восточная Литература, 1995. – С. 101.
3. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Том VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб., 1897-1904. – С. 220; *Рабинович В. И.* С гипшпанцами в Новый Йорк и Гавану. – М.: Мысль, 1967.
4. *Лесков Н. С.* Вдохновенные бродяги (Удалецкие «скаски»). – Полное собрание сочинений. – Т. 12. – СПб., 1897.
5. Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлева Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы // Журнал Нижегородского наместнического правления. – Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 4. – Нижний Новгород, 1900. – С. 108-110.
6. *Штильмарк Р. А.* Повесть о страннике Российском. – Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991.
7. *Филатов Н. В.* Василий Баранщиков и его время // *Штильмарк Р. А.* Повесть о страннике Российском. – Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – С. 254.
8. *Мальцева Т. В.* Формирование романых структур в русской литературе XVIII века: «маленький роман» // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 29.
9. *Неустроев Д. В.* «Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2007. – С. 7.
10. *Алексеев П. В.* Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 18-26; *Алексеев П. В.* Русский ориентальный тревелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 34-46.
11. *Морохин Н. В.* Неизвестная знаменитость // Нещастные приключения Василия Баранщикова [Текст] / [Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов]. – Нижний Новгород: Книги, 2011. – 108, [2] с.
12. Нещастные приключения... – С. 85.
13. Там же. – С. 95.
14. Там же. – С. 61.
15. Вероятно, Халил Хамид-паша (31 декабря 1782 – 30 апреля 1785).

16. Вероятно, Хазинедар Шахин Али-паша (31 марта 1785 – 24 января 1786).
17. Неждастныя приключения... – С. 107.
18. Там же. – С. 107.
19. Там же. – С. 53.
20. Там же. – С. 117.
21. Там же. – С. 115.

Список литературы

Алексеев П. В. Русский ориентальный трaвeлог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 34-46.

Алексеев П. В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования // Филология и человек. – 2013. – № 4. – С. 18-26.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Т. VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб., 1897-1904. – 478 с.

Вигасин А. А. Неждастныя приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижняго Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – Москва: Восточная Литература, 1995. – С. 101-106.

Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлева Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы // Журнал Нижегородского наместнического правления. – Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. – Нижний Новгород, 1900. – Т. 4. – С. 108-110.

Лесков Н. С. Вдохновенные бродяги (Удалецкие «скаски») // Полное собрание сочинений. – СПб., 1897. – Т. 12. – 468 с.

Мальцева Т. В. Формирование романых структур в русской литературе XVIII века: «маленький роман» // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 27-41.

Морохин Н. В. Неизвестная знаменитость // Неждастныя приключения Василия Баранщикова [Текст] / [Сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов]. – Нижний Новгород: Книги, 2011. – 108, [2] с.

Неустроев Д. В. «Очарованный странник» Н. С. Лескова: генезис и поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2007. – 18 с.

Неждастныя приключения Василья Баранщикова мещанина Нижняго Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. Второе издание с дополнением и фигурами. – Санкт-Петербург: Тип. Вильковского и Галченкова, 1787. – 129 с.

Рабинович В. И. С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану. – М.: Мысль, 1967. – 87 с.

Филатов Н. В. Василий Баранщиков и его время // Штильмарк Р. А. Повесть о страннике Российском. – Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – С. 254-269.

Штильмарк Р. А. Повесть о страннике Российском. – Нижний Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – С. 254-269.

References

Alexeev P. V. *Russkiy orientalny travelog kak zhanr putevoy prozy kontsa XVIII – pervoy tretii XIX veka* [Russian oriental travelogue as a genre of travel prose at the end of the 18th – early 19th century]. IN: *Filologiya i chelovek* [Philology and a person], 2014, no. 2, pp. 34-46.

Alexeev P. V. *Russkiy romanticheskiy orientalizm: printsipy i problemy issledovaniya* [Russian romantic orientalism: principles and issues of the study]. IN: *Filologiya i chelovek* [Philology and a person], 2013, no. 4, pp. 18-26.

Filatov N. V. *Vasily Baranshchikov i ego vremya* [Vasily Baranshchikov and his era]. IN: *Shtilmark R. A. Povest o strannike Rossiyskom* [Shtilmark R. A. A tale about a Russian wanderer]. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka publishing office, 1991, pp. 254-269.

Leskov N. S. *Vdohnovennyye brodyagi (Udaletskie "skaski")* [The inspired nomads ("The daring fairytales")]. IN: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. St.-Petersburg, 1897, vol. 12, 468 p.

Maltseva T. V. *Formirovanie romanynh struktur v russkoy literature XVIII veka: "malenkiy roman"* [The development of novelistic structures in the Russian literature of the 18th century: a "small novel"]. IN: *Dergachevskie chteniya – 2008. Russkaya literatura: natsionalnoe razvitiye i regionalnye osobennosti. Problema zhanrovyyh nominatsiy: materialy IX Mezhdunar. nauch. konf.* [Dergachev readings 2008. Russian Literature: national development and regional peculiarities. The issues of the genre nominations: IX International Scientific Conference]. Ekaterinburg, 2009, vol. 1, pp. 27-42.

Morokhin N. V. *Neizvestnaya znamenitost* [Unknown celebrity]. IN: *Neshchastnyye priklyucheniya Vasiliya Baranshchikova. Tekst. Sost. N. V. Morokhin, D. G. Pavlov* [Morokhin N. V., Pavlov D. G. (auth.) Unlucky adventures of Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov]. Nizhny Novgorod, Books publ., 2011, 108 p.

Neustroev D. V. *"Ocharovanny strannik" N. S. Leskova: genezis i poetika: avtoreferat dis. ... kand. fil. Nauk* ["The enchanted wanderer" by N. S. Leskov: genesis and poetry. Auth. Cand. Phil. Sc.]. Moscow, 2007, 18 p.

Rabinovich V. I. *S gishpantami v Novyi Iork i Gavanu* [To New York and Havana with the Hispanic]. Moscow, Mysl publ., 1967, 87 p.

Shtilmark R. *Povest o strannike Rossiyskom* [A tale about a Russian wanderer]. Nizhny Novgorod, Volga-Vyatka publishing office, 1991, pp. 254-269.

Dopros, snyaty s nizhegorodskogo kuptsa Vasiliya Yakovleva Baranshchikova, yavivshegosya dobrovolno iz-za granitsy [The interrogation review of Nizhny Novgorod merchant Vasily Ya. Baranshchikov who arrived from abroad ex gratia]. IN: *Zhurnal Nizhegorodskogo namestnicheskogo pravleniya. – Deystviya Nizhegorodskoy gubernskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Journal of Nizhny Novgorod Viceroyalty, Activities of Provincial Academic Archival Commission of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod, 1900, vol. 4, pp. 108-110.

Neshchastnyya priklyucheniya Vasiliya Baranshchikova meshchanina Nizhnyago Novgoroda v treh chastyakh sveta: v Amerike, Azii i Evrope s 1780 po 1787 god. Vtoroe izdanie s dopolnieniem i figurami [Unlucky adventures of Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov in three parts of the world: America, Asia and Europe in 1780-1787. Second edition with supplements and figures]. St. Petersburg, Vilkovsky&Galchenkova publ., 1787, 129 p.

Vengerov S. A. *Kritiko-biograficheskiy slovar russkiykh pisateley i uchenyyh. – Tom VI. S alfavitnym ukazatelem ko vsem VI tomam* [Critical-biographical glossary of Russian writers and researchers. Vol. VI, incl. alpha index to all volumes]. St. Petersburg, 1897-1904, 478 p.

Vigasin A. A. *Neshchastnyya priklyucheniya Vasiliya Baranshchikova, meshchanina Nizhnyago Novgoroda v treh chastyakh sveta: v Amerike, Azii i Evrope s 1780 po 1787 god* [Unlucky adventures of Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov in three parts of the world: America, Asia and Europe in 1780-1787]. IN: *Puteshestviya po Vostoku v epohu Ekateriny II* [Travels in the Orient in the era of Catherine II]. Moscow, Oriental literature publ., 1995, pp. 101-106.

Иллюстрации предоставлены авторами статьи.
The illustrations are submitted by the authors of the article.

Сведения об авторах

Абидулин Алим Маратович, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, научный сотрудник Института Востоковедения РАН, e-mail: abidulinam@gmail.com

Вершинина Надежда Васильевна, специалист по учебно-методической работе Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: nv-vershinina@mail.ru

About the authors

Alim M. Abidulin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Oriental Languages and Cultures, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, e-mail: abidulinam@gmail.com

Nadezhda V. Vershinina, teaching and methodological work specialist at Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: nv-vershinina@mail.ru

В редакцию статья поступила 20.04.2020, опубликована:

Абидулин А. М., Вершинина Н. В. Стамбул последней трети XVIII в. глазами нижегородца Василия Баранщикова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 2. – С. 144-155.

Submitted on 20.04.2020, published:

Abidulin A. M., Vershinina N. V. *Stambul posledney treti XVIII v. glazami nizhegorodtsa Vasiliya Baranshchikova* [Istanbul of the last third of the 18th century through the eyes of a Nizhny Novgorod merchant Vasily Baranshchikov]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 2, pp. 144-155.